22.

Прилипшее к просторному суходолу наростом торчало имение Листницких Ягодное. Меняясь дул ветер то с юга, то с севера, болтался в бессиневатой белизне неба солнечный желток; наступая на подол лету шуршала листопадом осень, зима настигала осень наваливаясь морозами и снегами; а Ягодное коренилось в одубелой скуке, и дни проходили перелезая через высокие плетни, отгородившие имение от остального мира, похожие как близнецы.

По двору так-же ходили черные утки-шептуны в красных ободьях-отростках вокруг глаз, бисерная дичь расставленная цесарки, на крыше конюшни утробным кошачьим голосом мяукали крикливо оперенные павлины. Любил старый пан всяческую птицу, даже журавля держал, подстреленного в крыло, и в ноябре дергал он острую человеческую сердце медногорлым тоскующим криком, заслыша подоблачный призыв вольных в отлете журавлей. Но лететь не мог, крыло перебитое в сгибе висело мертво, а пан из оконца глядел, как журавль кагнув голову, подпрыгивая, рвется в недоступную синь — смеялся, расчесывая длинный, под седым навесом усов, рот и басовитый смех табачным облаком плавал, колыхался в пустой белой зале.

Так-же вяло Вениамин носил плюшевую голову, дрожал стыдливыми лямками и углами дынями до одури играл за сундуком в подкидного сам с собой. Так-же ревновал Лукерья рябую свою любовницу к Сашке, рабочим, Григорию, к пану, даже к журавлю, которому уделяла Лукерья избыток переливавшейся через края нежности; так-же напивался дед Сашка и шел под окна выпрашивать двугривенное. За все время только и случилось два события, всколыхнувшие заплесневелую в сонной одури жизнь: Аксиньины роды, да пропажа племенного гусака. К девочке, которую родила Аксинья, скоро привыкли, а от гусака нашли перья за левадой в бурьяне, видно лиса похозяйничала, и успокоились.

По утрам пан, проснувшись, звал Вениамина.

— Видел что?

— А как же, такой чудесный сон.

— Рассказывай. — коротко приказывал пан вертя папиросу.

И Вениамин рассказывал. Если сон был неинтересный, или страшный — пан сердился.

— Э, дурак-скотина. Дураку и сны дурацкие снятся!

Приловчился Вениамин придумывать сны веселые и занимательные. Одно мучило его: надо было изобретать. За ночь вперед придумывал Вениамин веселые сны, сидя на сундуке и шагая по коврику